

ФРАГМЕНТ ИЗ РЫЦАРСКОГО РОМАНА «ПАРЦИВАЛЬ» ВОЛЬФРАМА ФОН ЭШЕНБАХА В ПЕРЕВОДЕ ЭЛЛИСА (ЛЬВА КОБЫЛИНСКОГО)

Ф. Б. Поляков

(Вена)

Во второй половине 1930-х годов напряженные занятия Эллиса русскими историко-литературными темами в связи с пушкинским юбилеем 1937 г., продолжение его собственного поэтического пути, приведшее к составлению сборника «Крест и Лира» (1938), обращение к переводам, главным образом из произведений немецкой литературы, – все эти результаты многолетнего труда постепенно приобретали форму почти завершенных книг. Однако угроза войны и гибели европейского миропорядка, та страшная трансформация, которую он имел возможность из безопасного швейцарского удаления наблюдать в Германии (см.: Поляков 2019: 131–144), подтолкнула Эллиса к осознанию необходимости оградить немецкую литературную традицию и религиозную культуру от идеологического порабощения «Третьим Рейхом».

Избранный Эллисом способ духовного противостояния предполагал перевод на русский большого числа немецких авторов – средневековых, классических, современных, – присутствие которых в иноязычной сфере, духовно и исторически родственной им, соотнесенной с ними, было и продолжением труда В. А. Жуковского, и свидетельством их несводимости к национал-социалистической доминанте. В тех условиях изоляции и при отсутствии личного общения с русскими литературными кругами в эмиграции такой замысел требовал трудно представимого напряжения сил. Тем не менее Эллис оказался в состоянии завершить задуманную им огромную антологию под названием «Певцы Германии», даже понимая всю ничтожность шансов на ее появление (об истории сборника см.: Поляков 2020: 857–872). Для создания такой антологии

были бы нужны, казалось, многие годы и специальный интерес, не связанный с изменчивой современностью, но историческая катастрофа прихода национал-социализма, оборвав творческие связи Эллиса, придала этому труду совсем иной смысл.

Сборник был посвящен памяти Жуковского, личность которого превратилась для Эллиса в архетипический знак и его собственной судьбы, и его литературной деятельности. На обложку своей антологии Эллис предполагал поместить изображение на надгробном памятнике рыцаря-миннезингера Вольфрама († ca. 1220), воздвигнутом в франконском Эшенбахе в 1922 г. (Поляков 2020: 861–863):

На памятнике изображена пластически сцена чудесного исцеления больного короля Монсальвата, Амфортаса<, > благодатной силой св. Грааля по молитве Парцивала. Над ними нисходит таинственный Голубь (*columba miraculosa*).

Трудно представить себе более знаменательное и прекрасное символическое изображение исцеления, которого жаждут все народы в наши дни!

В нашей статье мы рассмотрим предпосылки обращения Эллиса к наследию Вольфрама фон Эшенбаха и опубликуем относящиеся к этому автору неизданные свидетельства из антологии «Певцы Германии», которая подготавливается нами к изданию.

Первоначальным импульсом для обращения Эллиса к творчеству Вольфрама фон Эшенбаха были, как представляется, его занятия Рихардом Вагнером: в традицию вагнеровской экзегезы входит освещение привлекаемых композитором источников, в том числе и вольфрамовского «Парцивала» (см.: Schneider 1962: 107–124; Wapnewski 2011: 742–757; Brunner 2014: 1–16; ср. также: Пащенко 2012: 362–414). Обзор нескольких из них в рамках собственной концепции Эллиса содержится в его обширной статье «“Парсифаль” Рихарда Вагнера» (см.: Эллис 1913: 24–53; Эллис 2000: 201–228). Поскольку в представлениях Эллиса существенной чертой «поэмы Эшенбаха», т. е. романа в стихах «Парциваль», создание которого относится к 1200–1210 гг. (см.: Bumke 1999: 1378), являлся «глубокий,

непосредственный мистицизм» (Эллис 2000: 221), его интерпретация приобретает эзотерический характер, осложненный субстратом соловьевского наследия и дискуссиями символистского круга¹.

Статья Эллиса 1913 г. в печатном органе «Мусагета» вызвала критический отклик германиста и переводчика Артура Лютера (см.: Лютер 1914: 58–62). Появление этого историко-литературного экскурса на страницах мусажетской *Wagneriana* могло бы послужить примером методологических разногласий между символистской эзотерикой и академическим позитивизмом. Артур Лютер, опытный критик и рецензент, избегая суждений о профессиональной подготовке Эллиса в области истории средневековых западноевропейских литератур, отмечал: «Вследствие большой краткости изложения многое здесь является неясным и неточным, так что у мало подготовленного читателя легко может составиться не вполне верное представление о характере упоминаемых в статье произведений средневековой литературы» (Лютер 1914: 58). Впоследствии Эллис предполагал, как показывает переписка с секретарем издательства и его другом Н. П. Киселевым, вступить с Лютером в полемику, однако начало войны не позволило осуществиться этим намерениям, тем более что Лютер был вынужден покинуть Россию, где он родился, и отправиться в Германию, куда еще ранее уехал и Эллис, затем, по объявлении войны, перебравшийся в Швейцарию. Соответственно, Эллис резко высказывался о Лютере, подвергая сомнению его аналитические

¹ См.: Пашенко 2015: 100–110; ср. также: Пашенко 2018: 450–453. В работах М. В. Пашенко определяется место Эллиса в рамках традиции, обозначаемой как «русское граалеведение». Называя Эллиса «теоретиком постсимволизма» (sic), М. В. Пашенко формулирует предполагаемые им дефициты других исследователей (названы имена А. В. Лаврова и Heide Willich) следующим образом: «Биографы Эллиса не компетентны в сфере главного интереса их героя, вообще умалчивая об Эллисе-граалеведе и превратно понимая значение его вагнерианы, в которой видят слабую связь с Вагнером и выражение субъективно мотивированных символистских исканий <...>» (Пашенко 2016: 398, сн. 3). Цель этой инвективы (отметим ее стилистический анахронизм) не вполне ясна. Мы полагаем, что поиск собственного дискуссионного пространства для «русского граалеведения» не упраздняет множественность методологических подходов, а «главный интерес» – разнообразие исследовательских задач, связанных с изданием и изучением первичных источников.

способности; так, своему издателю, сотруднику по переводу стихотворений Владимира Соловьева и другу, поэту Рихарду Кнису Эллис стремился внушить, что Лютер представляет собой «позитивиста», мало смыслящего в Пушкине и Соловьеве (см.: Поляков 2001: 284). В связи с этими спорами на страницах «Трудов и дней» Эллис в переписке с Киселевым, посылая ему в Москву в 1915 г. письмо из Birsfelden (Kanton Basel-Landschaft), упоминает о своих переводческих занятиях, касающихся и Вольфрама: «V. Непременно присоедини в “Трудах...” к моей статье о Граале оба мои перевода из Вагнера и Эшенбаха»².

Продолжение занятий, уводящих к произведениям Вольфрама, нашло лишь частичное отражение в статье „Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit“ (см.: Kobilinsky (Ellis) 1932a: 21–28; Kobilinsky (Ellis) 1932b: 94–108), которая является небольшим фрагментом не дошедшего в полном составе (и, возможно, не доведенного до конца) исследования. Статья появилась в двух частях (объемом в восемь и пятнадцать страниц) в журнале „Baureuther Blätter“, сотрудничество с которым в 1930-е годы осложнялось для него все более накалявшейся националистической атмосферой (см.: Поляков 2019: 134). Редактором журнала был один из протагонистов вагнеровского культа Hans Paul Freiherr von Wolzogen (1848–1938); с ним Эллис состоял в переписке, однако следов ее в архиве Вольцогена нам найти не удалось. Обратим внимание на следующее редакционное примечание (Kobilinsky (Ellis) 1932a: 21):

Es werden hier nur Teile eines größeren, viel breiter angelegten und tiefer eingehenden Werkes unseren Lesern bekannt gegeben, welche die Vorstellung vom heiligen Grale in ihrer geschichtlichen, besonders literarisch-dichterischen Auswirkung behandeln, während das ganze Werk der mystischen Bedeutung in weitestem Umfange gewidmet sein will.

H<ans> v<on> W<olzogen>

2 НИОР РГБ Ф. 128. Оп. III. Карт. 12. Ед. хр. 8. Л. 5; указано нам Еленой Глуховской.

Перевод:

Здесь нашим читателям представлены лишь части более крупного, гораздо более обширного и углубленного труда, в которых рассматривается представление о Св. Грале в его историческом, особенно литературно-поэтическом воздействии, тогда как труд в целом стремится посвятить себя мистическому значению <Св. Граля> в самом широком охвате.

Г<анс> ф<он> В<ольцоген>

Примечание Г. фон Вольцогена позволяет предположить, что ему – вероятно, по переписке – был известен план Эллиса; в обтекаемой формулировке об этом замысле сказано „gewidmet sein will“, буквально «намеревается быть посвященной», так что не вполне ясно, насколько этот труд был близок к завершению. По-видимому, Эллис, занимаясь христианской мистической интерпретацией преданий о Граале, надеялся на продолжение сотрудничества с Байройтом, поскольку Вольцогену такая тематика была в определенной степени близка: еще ранее он опубликовал книгу с рассказом повествования Вольфрама о Парцивале как типе христианского германского героя (см.: Wolzogen 1922; Grosse / Rautenberg 1989: 349, Nr. 2877; о ее тенденции см.: Schulze 2011: 774–775). Два года спустя после появления своей статьи Эллис все еще на словах связывает себя с байройтским журналом, рекомендуя художнику Николаю Зарецкому обратиться к посредничеству этого круга: «Всего вероятнее добиться результатов при обращении к Bayreuth'у через редактора Bayreuther Blätter Н. von Wolzogen, которого я знаю как сотрудник этого журнала» (цит. по: Поляков 2019: 139; письмо от 20 сентября 1934 г.).

В небольшой по объему байройтской статье Эллиса даже в переработанном печатном варианте можно встретить переключки с публикацией 1913 г., хотя возможности их сопоставления заведомо ограничены. Вагнеровская тема, композиционно значимая в ранней работе, оказалась за пределами рассмотрения здесь, в журнале, основанном Рихардом Вагнером, но сам факт принятия статьи Эллиса к публикации Вольцогеном, ближайшим сотрудником Вагнера, свидетельствует о допустимом уровне

аргументации бывшего «русского вагнерианца» с точки зрения профессионального германского сообщества. В этой статье, при всей ее *фрагментарности* по отношению к общему замыслу (говоря словами Артура Лютера, «большой краткости изложения»), отражается огромная начитанность Эллиса в немецкой литературе и доступность значительного библиографического ресурса в поздний, локарнский период его творчества. Разумеется, основные представления Эллиса о символике Грааля, версиях ее истолкования, роли арабского источника, этимологии некоторых обозначений, знакомые нам по ранней работе (см.: Эллис 1913: 24–53), появляются и в байройтском экскурсе. Их связь с профессиональным контекстом западноевропейских исследований также легко прослеживается вплоть до сегодняшнего этапа³.

Таким образом, к тому времени, когда Эллис закончил рукопись своей антологии «Певцы Германии», у него имелся опыт переложения Вольфрама и история размышлений об этом источнике, продолжавшаяся несколько десятилетий. Особая значимость этого автора также побудила Эллиса наряду с [I] «Содержанием», т. е. частичной адаптацией пересказа фабулы произведения, содержащегося в издании Зимрока, и [II] своим стихотворным переложением поместить [III] обширное примечание, в котором дается изложение его концепции⁴.

Нам известен источник текста, с которым работал Эллис – это перевод Вольфрама на новонемецкий язык, сделанный боннским германистом Karl Simrock (далее мы ссылаемся на издание: Simrock 1883, учитывая первоначальную редакцию его перевода по первому изданию: Simrock 1842). Перевод Зимрока получил значительное распространение (см.: Grosse / Rautenberg 1989: 338, Nr. 2799); им также пользовался и Рихард Вагнер (см.: Warnewski 2011: 742).

³ См. особенно: Schäfer 1985; ср. также: Hagen 1900: 73–79; Schöller 2009: 364–373 (к толкованию загадочного обозначения *lapsit exillis*); Stolz 2012: 83–113 (о роли восточных мотивов).

⁴ Для интерпретации перевода Эллиса основополагающим руководством является комментарий к V-ой книге «Парцивала» (см.: Kordt 1997); из специальной литературы упомянем исследования: Bumke 2001; Schöller 2009: 358–373. Имена персонажей рассматриваются в работах: Schröder 1982; Brüggem / Bumke 2011.

При выборе текста для включения в антологию Эллис останавливается на описании прихода Парцивала в замок короля Анфортаса в V книге; из общего числа содержащихся в ней строф по 30 стихов согласно нумерации критического издания Карла Лахманна (224–279, Simrock 1883: 86–105) Эллисом обработана часть, соответствующая стихам 229,23–239,10 (в совокупности 287 стихов). Перевод сделан четырехстопным ямбом (с вариациями), строфика не соблюдается (как и в переводе Гинзбург 1974), допущена незначительная архаизация языка. Мы не ставим перед собой задачи построчного сопоставления русского переложения и новонемецкого перевода, однако уже объем версии Эллиса (210 строк) показывает, что его переложение содержит значительные изменения при передаче исходного текста. Прежде всего это описание трапезы рыцарей, на что указывает сам Эллис (см. ниже III), не пожелавший по объясненным им идеологическим причинам отягощать картину пира кулинарными подробностями в стихотворной форме и предложив взамен прозаический пересказ (отметим, впрочем, важность таких описаний для средневековой рецепции повествования; ср.: Classen 2007: 315–335). Однако пропуски или переводческие вольности встречаются здесь и в других случаях. Так, например, Эллисом опущены стихи, которыми Вольфрам соединяет завершение сцены с кровоточащим копьем с началом ритуала пиршества (232,5–8; Simrock 1883: 89):

Mag es euch nicht verdrießen,
Will ich die Mär erschließen,
Daß ihr vernehmet und erfahrt,
Wie herrlich da gedienet ward.⁵

⁵ Приблизительный перевод: «Не желая вас опечалить, / Я хочу начать повествование / Чтобы вы услышали и узнали, / Сколь великолепно там служили». Однако в более ранних изданиях перевода Зимрока, например, в первом (см.: Simrock 1842: 257), первые два стиха читались иначе: „Währt es nun euch nicht zu lang, / So mach ich hier den Anfang“ («Не затягивая для вас слишком долго, / Я положу [буквально: сделаю] здесь начало»), что более соответствует образу *тянущегося* времени в оригинале (232,5): „wil iuch nû niht *erlangen*“ (Wolfram von Eschenbach 2008: 205). Эта связка сокращена и в переводе Льва Гинзбурга (см.: Гинзбург 1974: 373).

При этом в предшествующей поразительной сцене с копьём, о которой Эллис пишет и в своем примечании (III), он допускает парафразу в стихах 232,1–2, когда после исчезновения копья страдания присутствующих прекращаются („Da war des Volkes Noth gestillt / Das erst von Jammer stand erfüllt“. – Simrock 1883: loc. cit.; ср.: „Da war gestillt des Volkes Noth, / Dem erst der Jammer gebot“. – Simrock 1842: 257), добавляя собственную ассоциацию: «И, лишь исчезнуло копьё, / *Вновь разлилося забытьё*» (ст. 61–62). Отметим, что алойное дерево (признак сказочного богатства, см. о нем: Kordt 1997: 65) как материал для отопления королевского зала Эллис оставляет в латинском облике *lignum aloe* (230,11), заимствованном у Зимрока, который таким образом передает изначальное чтение средневерхненем. *lign alôê* (см.: Wolfram von Eschenbach 2008: 203); аналогичное решение («Над деревом Aloe Lignum») найдено и Львом Гинзбургом (см.: Гинзбург 1974: 372).

В нашей публикации переложение Эллиса издается по новой орфографии, исправления в таких случаях как *в роде* (совр. *вроде*), *в виду* (совр. *ввиду*), *не малой* (совр. *немалой*) или очевидные ошибки (например, *явства* вместо *яства*) не оговариваются, курсив Эллиса повсюду, в том числе и при написании имен собственных, сохранен.

[1]

<Вольфрам фон Эшенбах>

Парциваль.

Из V-ой песни: Анфортас.

СОДЕРЖАНИЕ

Парциваль, резво скача в своем бесцельном пути, под вечер прибывает к озеру, где спрашивает рыбаков о ночлеге. Один из рыбаков, роскошно одетый, но печальный, указывает ему путь к соседнему замку, в котором он сам готов принять его, как хозяин. *Парциваль* скачет туда. Оруженосец (замка), узнав, что он прислан рыбаком, опускает подъёмный мост. На дворе замка растёт

трава, верный знак того, что здесь редки веселые рыцарские игры. В замке он встречен самым радушным образом и укрыт мантией королевы *Репанзы де Шуа*. Некий человек повелительно требует, чтобы он явился пред королем; *Парциваль* в гневе сжимает уже свой кулак, но скоро успокаивается, получив разъяснение, что должность этого человека шутками разгонять их печаль. В зале замка *Парциваль* зрит сто люстр и столько же лож, на каждом ложе по четыре рыцаря. В трех мраморных очагах горит алоэ. Хозяин замка, весь одетый в меха, возлежит около среднего очага на походном ложе; он приглашает *Парциваля* сесть с ним рядом. Один из пажей начинает служение, т. е. трапезу. Из стальных дверей зала входят две девы, неся горящие свечи в золотых подсвечниках; одна из них *Кларишанца*, графиня *фон Тенаброк*, другая *Гаршилуа фон Грюнланд*. За ними следуют две герцогини, из <кого>рых каждая ставит перед королём по две ножки для стола из слоновой кости. Четыре девы эти одеты в черный шарлах, восемь дев, шествующих за ними, одеты в зеленый бархат из *Ассагога*. Четыре из них предносят светильники, четыре, идущие сзади – крышку стола из прозрачного яхонта, <кого>рый они полагают на ножки из слоновой кости. Две графини, *Флория фон Нонель* и *Анфлиза фон Рейль* – несут острые ножи из серебра; за ними идут еще четыре девы со светильниками. Шесть других дев, одетые, подобно предшествующим, в одеяния, разделенные пополам и состоящие наполовину из пиалета, наполовину из нинивейского шелка, сопровождают, неся в сосудах из стекла пылающий бальзам, девственную королеву *Репанзу де Шуа*, одетую в арабский пфеллель: Граль [удостоил] избрал её за ее целомудрие для торжественного несения при трапезе. Она кладет на зеленой ткани из ашмарди Граль¹ пред королём, отступает назад и, сияя короной, пребывает посредине двадцати четырех дев. Потом слуги вносят сто, покрытых скатертями, столов, на четырех рыцарей каждый. Камерарий снабжает каждый стол золотым сосудом с водой для омовения, а отрок-служитель белым платом для отирания рук; хозяину замка и *Парцивалю* служит коленопреклонённо один из молодых графов. При каждом столе два коленопреклонённые пажа разрезают, а два другие распределяют яства и пития. Четыре

повозки с золотыми кубками движутся по залу, четверо рыцарей расставляют кубки эти по столам, один служитель после снова убирает их в повозки. Сто пажей принимают от *Граля* хлеб, полагая его на белые платы, и распределяют его по столам. *Граль* оделяет всех, каждого сообразно его желанию, всевозможными яствами и питиями. *Парциваль*, хоть и замечает это чудо, [печаль] муку короля и всеобщую скорбь, при этом роскошестве, однако, помня совет Гурнеманса, не спрашивать ни о чём, даже и после того, как король дарит ему свой дорогой меч.^{2*}

(Примечания Эллиса:)

1* Эшенбах изображает *Граль* сияющим, волшебным камнем Ясписом (Stein, Lapis exillis), ограничиваясь в этой песне лишь царственным (regalis) аспектом *Граля*. См. Примечания стр. <sic>

2* Содержание см. K. Simrock: „Parzival und Titurel, Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach, übersetzt und erläutert von K. Simrock“.

Предпосланный переводу стихотворного отрывка (см. ниже II) текст представляет собой перевод следующего места (Simrock 1883: 85–86):

V. ANFORTAS

Mit schnellem, ziellosem Ritt gelangt Parzival Abends an einen See, wo er Fischer nach Herberge fragt. Der Eine, reichgekleidet, doch traurig, bescheidet ihn zu einer nahen Burg, wo er selber Wirth sein werde. Er reitet dahin. Ein Knappe läßt, als er hört, daß ihn der Fischer gesandt habe, die Zugbrücke nieder. Im Burghofe wächst Gras, ein Zeichen, daß hier fröhliche Ritterspiele selten begangen werden. Er wird gut empfangen und mit dem Mantel der Königin, Repanse de Schoie, bekleidet. Ein Mann ruft ihn gebieterisch zum Könige: ergrimmt ballt Parzival die Faust, wird aber beruhigt, weil es dieses Mannes Amt sei, ihre Traurigkeit durch Scherze zu erheitern. Im Saale findet er hundert Kronleuchter und eben so viel Ruhebetten, auf jedem vier Ritter. Auf drei marmornen Feuerherden brennt Aloeholz. Der Wirth, der in Pelzwerk gehüllt bei der mittlern Feuerstatt auf einem Spannbette (Feldbette) ruht, läßt Parzival neben sich

Platz nehmen. Ein Knappe trägt eine bluttriefende Lanze durch den Saal, bei deren Anblick Alles in Jammer ausbricht. Nun beginnt der Dienst, d. i. die Bewirthung. Durch eine Stahlthüre treten zwei Jungfrauen ein, auf goldnen Leuchtern brennende Kerzen tragend; die eine ist Klarischanze, Gräfin von Tenabrock, die andere Garschiloie von Grünland. Ihnen folgen zwei Herzoginnen, jedwede setzt zwei Helfenbeinstollen vor den König hin. Diese vier tragen braunen Scharlach, die folgenden acht sind in grünen Samt von Aßagog gekleidet. Viere davon tragen Lichter voraus, die vier andern ein Tischblatt aus durchsichtigem Granatjachant, das sie auf die Stollen legen. Zwei Gräfinnen, Florie von Ronel und Anflise von Reil, bringen scharfe silberne Meßer; bei ihnen sind vier Jungfrauen mit Lichtern. Sechs andere wie die vorigen in getheilten Röcken, halb Plialt, halb Seide von Ninive, begleiten, in Gläsern brennenden Balsam tragend, die in arabischen Pfellel gekleidete jungfräuliche Königin, Repanse de Schoie, von welcher der Gral, ihrer Reinheit willen, sich tragen zu lassen würdigte. Diesen setzt sie auf einem grünen Achmardizeuge vor den König, tritt dann zurück und steht mit der Krone in der Mitte der vier und zwanzig Jungfrauen. Darauf werden hundert Tische, je Einer für vier Ritter, hereingetragen und gedeckt; an jedem reicht ein Kämmerer in goldenem Becken das Handwaßer und ein Junker eine weiße Zwickel zum Abtrocknen; dem Wirth und Parzival bietet sie ein Grafensohn knieend. Bei jeder Tafel schneiden zwei Knappen knieend vor, zwei andere tragen Trank und Speise zu. Vier Wagen mit goldenen Trinkgeschirren fahren im Saale umher, vier Ritter setzen sie auf die Tische, ein Schaffner hebt sie hernach wieder ab. Hundert Knappen nehmen vor dem Gral Brot in weiße Tücher und vertheilen es auf die Tische. Von dem Gral kommt auch sonst Trank und Speise, was und so viel nur ein Jeder zu eßen und zu trinken begehrt. Wohl bemerkt Parzival dieß Wunder, des Königs Schmerz und die allgemeine Trauer bei solchem Reichtum, aber der Lehre Gurnemans eingedenk, fragt er nicht, auch dann nicht, als ihm der König ein kostbares Schwert schenkt und dabei seiner schweren Verwundung erwähnt.

<...>

[II]

- Он в зал вошел, в роскошном зале
Пред ним торжественно сияли
Сто люстр свечами без числа,
И каждая стена была
- 5 Озарена свечами тоже.
Сто пышных лож, за ложем ложе,
Кругом стояли по стенам, –
На каждом ложе чинно там
Четыре рыцаря, в печали
- 10 Безмолвствуя, полулежали;
Цветной ковер, ведя узор,
Меж них заполнил весь простор, –
И было каждому приметно,
Что вправду в замке том несметно
- 15 Богатство Фримутеля^{1*} сына,
В стенах три мраморных камина
Пылали ярко, в их огне
Курилось LIGNUM ALOE.
Он сам, больной хозяин, тоже
- 20 Простертый на походном ложе,
Лежал пред средним очагом,
Давно с улыбкой незнаком
Весь – скорбь и горькое страданье,
Полуразрушенное зданье.
- 25 Большой король в роскошном зале
Радужно принял Парциваля:
Свой замок рыцарский и зал
Он сам же гостю указал...
Он молвил с горестным приветом:
- 30 «Присядь ко мне на ложе этом,
Перед камином, близ огня,
И другом почитай меня!»
Едва смиряли в нем страданье
Тепло огня и одеянье

- 35 Из шкурок пышных соболей,
В печальной немощи своей
Он был завернут в мех богатый,
Согбен под шапкой полосатой,
Где лент арабских и колец
- 40 Узор змеился, чей конец
Рубин блестящий убирал,
И, вниз роняя свет, играл.
Безмолвно рыцари вокруг
Полулежали грустно, вдруг
- 45 Из дальней двери в светлый зал
С копьем воздетым паж вбежал,
По нём вдоль древка с острия
Лилась кровавая струя,
Лилась до самых пажа рук,
- 50 Бесследно исчезала вдруг.
Едва предстал он, зазвучали
Вкруг стоны боли и печали,
И вопли тридцати племён
В единый сочетались стон,
- 55 Но паж вдоль стен, средь вздохов, слёз
Копье кровавое пронёс
И снова, возвратясь к дверям,
Исчез, как и явился, там.
Едва он скрылся, замолчали
- 60 Вдруг стоны боли и печали,
И, лишь исчезнуло копье,
Вновь разлилось забытьё.
Но на другом конце теперь
Стальная растворилась дверь,
- 65 И в зале робка и чиста
Предстала юных дев чета.
Цвели столь свежи и легки
На светлых их кудрях венки,
Что нить блестящая связала;

- 70 Предстала каждая средь зала,
Невинно девственной рукой,
Воздев светильник золотой.
Весь темный бархат стан облёк
Графини юной Тенаброк
- 75 (И стан подруги благородной).
Два пояса наряд свободный
Обвили там, где стан у ней
Был тоньше, гибче и нежней.
Безмолвный встретил их привет.
- 80 Две герцогини им вослед
Внесли на удивленье гостя
Подставки из слоновой кости^{2*}.
Как пламя, рдели их уста;
Вот преклонилась дев чета
- 85 Легко пред королём больным,
Потом поставила пред ним
Четыре ножки для стола
И к первой паре отошла.
И снова входят восемь дев,
- 90 Четыре – светочи воздев,
Четыре – камень самоцветный,
Что весь прозрачный, искрометный,
Играл лучами золотыми,
И *яхонт* камню было имя.
- 95 Широкий, долгий распилён
Был вдоль рукой искусной он
И был – в час трапезы столом
Служить – назначен королём.
Склонясь пред ним с приветом чинным,
- 100 Ступают девы в зале длинном,
Из яхонта и кости белой,
Слагают стол рукой умелой,
За парой пара прочь идут
И, став поодаль, тихо ждут.

- 105 На них одежды зеленой,
Чем травы первые полей,
Был бархат им из Асагога
Предписан по обряду строго,
Им стан невинно-благородный
- 110 Вкруг пояс обвивал свободный,
А кудри светлые облёк
Благоухающий венок...
Вновь дев чета вошла, держа
Два изошрённые ножа,
- 115 На чьих клинках из серебра
Дрожала светлая игра,
Чей изукрашенный клинок
Разрезать сталь легко бы смог;
За ними следуют богато
- 120 Расшитые два белых плата.
Пред королём склонясь с приветом,
Светильников залиты светом,
Они на стол ножи кладут
И к сонму прочих дев идут...
- 125 Тогда предстала наконец
Их королева; ей венец
Лучистый окружал чело,
И в зале словно рассвело.
Пред ней весь зал мгновенно смолк;
- 130 Одета в арабский шелк,
С невинной радостью в груди
Она зелёный ахмарди^{3*}
Несла, вокруг светло взирая,
И Граль на нём, дар дивный рая,
- 135 Граль, чей единый луч даёт
Блаженство всех земных щедрот.
К служенью Гралем избрана
Прекрасная Репанза Шуа
За то, что вся она чиста,

- 140 И воля Граля ей свята.
Она вняла ей в умиление,
Приняв Его благословенье...
Предшествуют за рядом ряд
Ей светочи; как день горят
- 145 Они средь рыцарей печальных,
И шесть высоких чаш хрустальных
За ними предстают гостям,
Храня пылающий бальзам.
Когда ж прошли за девой дева,
- 150 С приветом чинным королева
Перед владыкой скорбным Граль
На стол сложила⁴. Парциваль
(Про то ведется давний сказ!)
Не мог свести с прекрасной глаз,
- 155 Он узрел Граля дивный свет,
Репанзы мантией одет.
Тогда, сплетаясь дружным кругом,
Сошлись все пары друг за другом
Вкруг королевы, но она
- 160 Над сонмом дев вознесена
В своей короне золотой
Сверкала яркою звездой
И всех блистаньем затмевала...
Меж тем средь рыцарского зала
- 165 Вода в сосудах сонмом слуг
Уже разнесена вокруг,
И с белым платом юный паж
Прошел вслед полных влагой чаш.
Был пир, роскошный пир готов:
- 170 Накрыты были сто столов,
За каждым дружно по четыре
Воссело рыцаря на пир,
И скатерть снежная была
Дана для каждого стола.

- 175 Вот сам король исполнен муки
Взял кубок с чистой влагой в руки,
За ним и гость стал омовенье
Свершать безмолвно, в то ж мгновенье
Пред ним колена юный граф
- 180 Склонил, шелковый плат подав.
Четыре юные пажа,
У каждого стола служа,
Немолчно хлопотали в зале,
Два – яства тонко разрезали,
- 185 Встав на колени, два других
Поспешно раздавали их.
Повозки в зале здесь и там
Катали, подвозя к гостям,
Четыре рыцаря повсюда,
- 190 На них сверкала кубков груды...
Сто отроков, склонив колена,
Внимая чутко глас велений,
Как в час свершенья высшей требы,
От Граля принимали хлебы,
- 195 На платы белые кладя
И прочь смиренно отходя.
Диковинный о Грале сказ
Я слыхивал немало раз!..
Здесь всё, кто что б ни возжелал,
- 200 Готовым тотчас Граль давал...
О Граль! источник вожденный
Даров земли, щедрот вселенной,
Рог изобилья, ток чудес
Благословенный дар небес!..
- 205 Так рыцарей святого братства
Среди несметного богатства
Всех одарял всевластный Граль;
Чудес без счета Парциваль
Узрел, но, как лишённый сил,
- 210 Он ни о чём не спросил!

<Примечания Эллиса к переводу:>

1* «Сын Фримутеля» – Анфортас, третий из «королей Монсальвата».

2* Подставки – ножки для стола, на к<ото>ром покоился *Граль*.

3* *Achmardi* – арабская, дорогая материя.

4* «сложила», ибо Вольфрам изображает *Граль* сверкающим волшебным камнем (Ясписом). См. *примечание* на стр. <sic>

[III]

«Парциваль» В. Эшенбаха

В этой песне своего «Парциваля» *Эшенбах* всего более находится под влиянием арабской, магической (возникшей на почве культа «солнечного бога» *Митры*) версии легенды о волшебном талисмане-камне, выбитом мечом *арх<ангела> Михаила (Азраила)* из короны *Люцифера (Иблиса)*, взятой им, по-видимому, из манускрипта *Флегетаниса* (араба-астролога), к<ото>рую он сливает с весьма им изменённой первоначальной легендой (христианско-рыцарского цикла) о *св. Граале*. Он вдохновлен символикой более внешнего и менее таинственного аспекта *Грааля* <-> т<ак> н<азываемого> царственного (*regalis*), или „*lapis (иногда jaspis) exillis*“; согласно последней версии *Граль* является не в виде *Чаши с Кровью Христа* (в соответствии с самой древней и наиболее эзотерической верси[ей] т<ак> н<азываемого> духовного или жреческого (*sacerdotalis*) *Грааля*), а в виде драгоценного камня, *хрустало-образного Ясписа*, символизирующего землю, как планету, пребывающую после грехопадения прародителей под гневом Бога (откуда выражение *exillis*).

Такое превращение религиозно-космического символа в полу-магический, полу-фантастический образ падучей звезды и далее в сказочный волшебный талисман вроде рога изобилья, волшебной скатерти-самобранки или лампочки Аладина, превращение [самого] *Монсальвата* из святилища сокровенных тайнодейств (*мистерий*) в роскошный чертог, исполненный несметных богатств дворцов *Шахерезады* и в «замок чудес», неизбежный во всяком средневековом „*roman d'aventure*“, а «святого простеца»

в блуждающего рыцаря (*irrender Ritter*), искателя приключений не должно смущать в чисто-поэтическом творении часто наивного, часто лукавого миннезингера, каким и был *В. Эшенбах*. Последовательным является также и превращение литургических форм служения рыцарей Грааля в торжественно-пластическое несение талисмана-камня девственной королевой и в евритмически-символическую пантомиму из 24 дев, изображающих движение созвездий.

Дыхание целомудрия среди мира прелестей и мотив глубокой, неизлечимой скорби [*и муки*] в царстве роскоши, раны, непрестанно источающей кровь при блеске ста люстр, среди переливов драгоценных камней и ими зачарованных очей – создание этих антиномий со всей их символикой греха и чар – вот в чем главный интерес этой песни «Парциваля» и основное достижение, заслуга певца его.

Всё описание сверх-естественной трапезы и особенно снабжения Гралем пирующих рыцарей (темплиеров) всевозможными яствами отчасти изменено нами и значительно сокращено ввиду невозможности точно и полно перевести его стихами по-русски. Все это место 5 песни является исключительно смелым и очень странным сочетанием в одну фантазмагорию таинственно-чудесного с волшеббно-магическим, евангельского повествования о чуде умножения пяти хлебов и двух рыб с фантастическими сказками магометанского Востока (особенно мавританских, вдохновленных лже-культулой *Митры* легенд) о волшебных яствах, даруемых талисманами и магическими вещами (скатертями, столами, лампами, элексирами, драгоценными сосудами и камнями). В точном переводе прозой всё место это должно значить:

Пред Гралем тотчас же стояло готовым (если я здесь говорю неправду, помогите мне лгать, т. е. «не люблю не слушать, а врать не мешай!») все, за чем бы не протянулась рука каждого (из гостей): яства горячие, яства холодные, яства новые и старые, рыба, дичь и мясо домашних (ручных) животных (*Zahm*). Если кто-либо скажет: «Здесь нет ни слова правды», то это будет дерзостью, ибо

Граль был источником всех благословений, рогом изобилий всех земных радостей («сладостей»); здесь было нечто подобное тому, что повествуется о царствии небесном. В малых сосудах из золота вдруг появлялось всё потребное при каждом явстве: перец, соль, аграс. Все получали нежные яства в должной мере и каждый (гость) чинно относил, держа перед собой, полученное. „Morass“, вино, алый синопель („Sinopel“), за к<ото>рым каждый протягивал кубок, объявляя (называя), что ему потребно для питья – всё это даровала сила Граля.

Это загадочное место, где переплетаются намёки на вещи немалой важности с явно ироническими и смехотворными прибаутками, весьма похожее на манеру романтиков («трансцендентальную иронию» их), очевидно, одновременно жестоко пародирует современные автору версии весьма опошленного и грубо-натуралистического представления о «*чудотворных силах Грааля*» и старается прикрыть покрывалом шуточности те намёки на «*тайны ордена темплиеров*», к<ото>рые поэт почерпнул из рукописных источников. По-видимому, в его время небезопасно было распространяться о магических культах, получивших в 13 в<еке> несомненное господство среди целого ряда тайных сообществ и через почти столетие повлекших трагически к гибели некогда лучший среди рыцарских орденов.

Напротив, в IX песне «Парциваля» нас встречает более строгий и возвышенный дух, тон и стиль. Эта песнь изображает пробуждение души Парциваля, его возврат к Богу и рыцарскому долгу, возобновление им „*Questo di St. Graal*“. Конь рыцаря, к<ото>рому последний дает свободу выбора пути, по таинственному велению неба привозит его к „*Fontaine sauvasche*“ (символ очищения, *катарсиса*), где святой старец, отшельник *Тревресценц* (брат *короля Анфортаса* и дядя Парциваля) спасается в уединении, среди дубрей леса. Старец ведет горько кающегося рыцаря к горному ручью и после к огню в пещере (символы прохождения элементов), налагает на него власяницу и поучает его не доверяться надменности *Люцифера* и сообщает ему великую тайну о св. Граале:

De[n] Gral kann [N]iemand erjagen,
Als der im Himmel wird ernannt
Und in den Dienst des Grals gesandt^{1*}

Парциваль исповедуется ему сокрушенно и внимают от него небесным тайнам св. Грааля – нисхождению таинственного Голубя с гостией. После *сорокадневного, строгого поста* он получает отпущение грехов и продолжает, духовно возрождённый, свой путь.

Ещё более явственнее дуновение подлинно-мистического духа Средневековья веет в заключительной XVI песне („Loherangrin“), где изображается исцеление *Анфортаса* прибывшим *Парцивалем* и нисхождение таинственного Голубя, а также избрание последнего на владычество в царстве *Монсальвата*, после чего следует повторение сцены торжественно-ритуального несения св. Грааля девами и таинственной трапезы рыцарей, однако без участия кровоточащего копыя и при ином светлом, радостном настроении.

Поэма заканчивается повествованием о крещении брата Парциваля – *Фейрефисса* (сына Гамурета и королевы мавров, Белаканы) и переходом к теме *Лоэрангрин*.

<Примечание Эллиса:>

1* «Немыслимо ни для кого добыть Граль силой, лишь тот, чьё имя изрекает само небо, призывается на служение Гралю». <цитируемая немецкая версия соответствует стихам 468,12–14; Simrock 1883: 175. – Ф. П.>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гинзбург Л. 1974. Вольфрам фон Эшенбах, Парцифаль / Сокращенный пер. со средневерхненемецкого Льва Гинзбурга. – Средневековый роман и повесть / Вступительная ст. и примечания А. Д. Михайлова. М.: Художественная литература, С. 261–578.
- Лютер А. 1914. «Парсиваль» в средние века. – Труды и Дни издательства «Мусагет». Тетрадь седьмая. С. 58–62.
- Пашенко М. В. 2012. Структурная теология Рихарда Вагнера: Вечеря св. Грааля в мистерии «Парсифаль». – Вопросы литературы. № 2. С. 362–414.

- Пашенко М. В. 2015. «Русский Ницше» и «русский Вагнер». – Вопросы философии. № 6. С. 100–110.
- Пашенко М. В. 2016. «Русский Грааль»: Филология символических форм А. Н. Веселовского. – Веселовский А. Избранное: Легенда о Св. Граале. М.; СПб.: «Петроглиф». С. 397–475.
- Пашенко М. В. 2018. Сюжет для мистерии: Парсифаль – Китеж – Золотой Петушок (Историческая поэтика оперы в канун модерна). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Поляков Ф. Б. 2001. Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.). – Диаспора: Новые материалы. Вып. II. СПб.: Феникс. С. 269–290.
- Поляков Ф. Б. 2019. Антихристианский национализм и судьбы культурных традиций в Европе 1930-х годов: Материалы из писем Эллиса (Льва Кобылинского) к Николаю Зарецкому. – Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 2. № 2. С. 131–144 (<https://phillet.hse.ru/article/view/9992/10888>).
- Поляков Ф. 2020. «Краем глаза, через полстолетия»: Неизданная антология Эллиса «Певцы Германии». – Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang. P. 857–872 (Stanford Slavic Studies. Vol. 50).
- Эллис 1913. «Парсифаль» Рихарда Вагнера. – Труды и Дни на 1913 год. Тетрадь первая и вторая. С. 24–53.
- Эллис 2000. Неизданное и несобранное / Сост., подготовка текста, библиографические справки А. В. Лаврова, Г. В. Нефедьева, С. Н. Мироненко. Томск: Водолей.
- Brüggen, Elke / Bumke, Joachim 2011. Figuren-Lexikon. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 2: Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 835–938.
- Brunner, Horst 2014. „Wolfram ist eine durchaus unreife Erscheinung“. Richard Wagner und Wolfram von Eschenbach: ‘Parsifal’ und ‘Parzival’. – Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Bd. 143. S. 1–16.
- Bumke, Joachim 1999. Wolfram von Eschenbach. – Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Begründet von Wolfgang Stammer, fortgeführt von Karl Langosch. Zweite, völlig neu bearbeitete Auflage

- herausgegeben von Burghart Wachinger zusammen mit Gundolf Keil, Kurt Ruh, Werner Schröder, Franz Josef Worstbrock. Bd 10. Berlin; New York: De Gruyter. (Nachdruck 2010). S. 1376–1418.
- Bumke, Joachim 2001. Die Blutstropfen im Schnee. Über Wahrnehmung und Erkenntnis im »Parzival« Wolframs von Eschenbach. Tübingen: Max Niemeyer (Hermaea. Germanistische Forschungen. N. F. Bd. 94).
- Classen, Albrecht 2007. The Symbolic Function of Food as Iconic Representation of Culture and Spirituality in Wolfram von Eschenbach's *Parzival* (ca 1205). – *Orbis Litterarum*. Vol. 62. Issue 4. P. 315–335.
- Grosse, Siegfried / Rautenberg Ursula 1989. Die Rezeption mittelalterlicher deutscher Dichtung. Eine Bibliographie ihrer Übersetzungen und Bearbeitungen seit der Mitte des 18. Jahrhunderts. Tübingen: Max Niemeyer.
- Hagen, Paul 1900. – Der Gral. Straßburg: Karl J. Trübner (Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker, LXXXV).
- Heinzle, Joachim (Hg.) 2011. Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 2: Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Kobilinsky (Ellis), L. 1932a. Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit. – *Bayreuther Blätter*. Heft 1. S. 21–28.
- Kobilinsky (Ellis), L. 1932b. Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit. – *Bayreuther Blätter*. Heft 2. S. 94–108.
- Kordt, Christa-Maria 1997. Parzival in Munsalvaesche. Kommentar zu Buch V/1 von Wolframs Parzival (224,1–248,30). Herne: Verlag für Wissenschaft und Kunst.
- Schneider, Hermann 1962. Richard Wagner und das germanische Altertum. – Hermann Schneider. Kleinere Schriften zur germanischen Heldensage und Literatur des Mittelalters / Hrsg. von Kurt Herbert Halbach und Wolfgang Mohr. Berlin: De Gruyter. S. 107–124.
- Schulze, Ursula 2011. Parzival in der Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 758–797.
- Schröder, Werner 1982. Die Namen im "Parzival" und im "Titurel" Wolframs von Eschenbach. Berlin; New York: De Gruyter (Reprint 2019).
- Schäfer, Hans-Wilhelm 1985. Kelch und Stein: Untersuchungen zum Werk Wolframs von Eschenbach. 2. ergänzte Auflage. Frankfurt am Main: Peter

- Lang (Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 565).
- Schöller, Robert 2009. Die Fassung *T des ›Parzival‹ Wolframs von Eschenbach. Untersuchungen zur Überlieferung und zum Textprofil. Berlin; New York: De Gruyter (Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte. Bd. 56 [290]).
- Simrock, Karl 1842. Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach / Übersetzt und erläutert von Karl Simrock. Erster Band. Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta'scher Verlag.
- Simrock, Karl 1883. Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach / Übersetzt und erläutert von Karl Simrock. 6. durchgesehene Auflage. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.
- Stolz, Michael 2012. Kyot und Kundrie: Expertenwissen in Wolframs „Parzival“. – Wissen, maßgeschneidert. Experten und Expertenkulturen im Europa der Vormoderne / Hrsg. von Björn Reich, Frank Rexroth, Matthias Roick. München: Oldenbourg. S. 83–113 (Historische Zeitschrift. Beiheft 57).
- Wapnewski, Peter 2011. Wolframs ‚Parzival‘ in Wagners Bühnenweihfestspiel. – Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch / Hrsg. von Joachim Heinzle. Bd. 1: Autor, Werk, Wirkung. Berlin; Boston: De Gruyter. S. 742–757.
- Wolfram von Eschenbach 2008. Parzival / Auf der Grundlage der Handschrift D hrsg. von Joachim Bumke. Tübingen: Max Niemeyer (Altdeutsche Textbibliothek. Nr. 119).
- Wolzogen, Hans von 1922. Parzival der Gralsucher. Eine deutsche Heldengeschichte von Wolfram von Eschenbach. Neu und frei erzählt von Hans von Wolzogen. Berlin: Schroeter.

REFERENCES

- Brüggen, Elke and Joachim Bumke. “Figuren-Lexikon.” In *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 2, *Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen*, 835–938. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
- Brunner, Horst. “‘Wolfram ist eine durchaus unreife Erscheinung.’ Richard Wagner und Wolfram von Eschenbach: ‘Parsifal’ und ‘Parzival’.” *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 143 (2014): 1–16.
- Bumke, Joachim. “Wolfram von Eschenbach.” In *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*. Established by Wolfgang Stammeler, continued by Karl Langosch. Edited by Burghart Wachinger with Gundolf Keil, Kurt Ruh,

- Werner Schröder and Franz Josef Worstbrock 2nd completely rev. ed. Vol. 10, 1376–1418. Berlin and New York: De Gruyter, 1999 (Reprint 2010).
- . *Die Blutstropfen im Schnee. Über Wahrnehmung und Erkenntnis im "Parzival" Wolframs von Eschenbach*. Hermaea. Germanistische Forschungen. Neue Folge. Vol. 94. Tübingen: Max Niemeyer, 2001.
- Classen, Albrecht. "The Symbolic Function of Food as Iconic Representation of Culture and Spirituality in Wolfram von Eschenbach's *Parzival* (ca 1205)." *Orbis Litterarum* 62, no. 4 (2007): 315–35.
- Grosse, Siegfried and Ursula Rautenberg. *Die Rezeption mittelalterlicher deutscher Dichtung. Eine Bibliographie ihrer Übersetzungen und Bearbeitungen seit der Mitte des 18. Jahrhunderts*. Tübingen: Max Niemeyer, 1989.
- Ellis. "'Parsifal' Richard'a Wagner'a." *Trudy i Dni na 1913 god* 1/2 (1913): 24–53.
- . *Neizdannoe i nesobrannoe*. Edited and annotated by A. V. Lavrov, G. V. Nefed'eva and S. N. Mironenko. Tomsk: Vodolei, 2000.
- Hagen, Paul. *Der Graal*. Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker. Vol. 85. Straßburg: Karl J. Trübner, 1900.
- Kobilinsky (Ellis), L. "Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit." *Bayreuther Blätter* 1 (1932): 21–28.
- Kobilinsky (Ellis), L. "Der Tempel des heiligen Grales als Dichtung und Wahrheit." *Bayreuther Blätter* 2 (1932): 94–108.
- Kordt, Christa-Maria. *Parzival in Munsalvaesche. Kommentar zu Buch V/1 von Wolframs Parzival (224,1–248,30)*. Herne: Verlag für Wissenschaft und Kunst, 1997.
- Luther, A. "'Parzival' v srednie veka." *Trudy i Dni izdatel'stva "Musaget"* 7 (1914): 58–62.
- Pashchenko, M. V. "Strukturnaia teologiya Richard'a Wagner'a: Vecheria sv. Graalia v misterii 'Parsifal'." *Voprosy literatury* 2 (2012): 362–414.
- . "'Russkii Nietzsche' i 'russkii Wagner'." *Voprosy filosofii* 6 (2015): 100–10.
- . "'Russkii Graal': Filologiya simvolicheskikh form A. N. Veselovskogo." In *Izbrannoe: Legenda o Sv. Graale* by A. Veselovskii, 397–475. Moscow and Saint Petersburg: Petroglyph, 2016.
- . *Siuzhet dlia misterii: Parsifal – Kitez – Zolotoi Petushok (Istoricheskaiia poetika opery v kanun moderna)*. Moscow and Saint Petersburg: Tsentru gumanitarnykh initsiativ, 2018.
- Poliakov, F. B. "Utrachennaia kniga Ellisa o Pushkine (Po materialam neizdannoi perepiski 1934–1937 gg)." In *Diaspora: Novye materialy*. Vol. 2, 269–90. Saint Petersburg: Phoenix, 2001.

- . “Antikhristianskii natsionalizm i sud’by kul’turnykh traditsii v Evrope 1930-kh godov: Materialy iz pisem Ellisa (L’va Kobylinskogo) k Nikolaiu Zaretskomu.” *Filosoficheskie pis’ma. Pussko-evropeiskii dialog* 2, no. 2 (2019): 131–44.
- . “Kraem glaza, cherez polstoletii’: Neizdannaiia antologiiia Ellisa ‘Pevtsy Germanii’.” In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Stanford Slavic Studies. Vol. 50, 857–72. Berlin: Peter Lang, 2020.
- Schneider, Hermann. “Richard Wagner und das germanische Altertum.” In *Kleinere Schriften zur germanischen Heldensage und Literatur des Mittelalters* by Hermann Schneider. Edited by Kurt Herbert Halbach and Wolfgang Mohr, 107–24. Berlin: De Gruyter, 1962.
- Schulze, Ursula. “Parzival in der Literatur des 19. und 20. Jahrhunderts.” – *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*, 758–97. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011.
- Schäfer, Hans-Wilhelm. *Kelch und Stein: Untersuchungen zum Werk Wolframs von Eschenbach*. 2. exp. ed. Europäische Hochschulschriften. Reihe I. Deutsche Sprache und Literatur. Vol. 565. Frankfurt: Peter Lang, 1985.
- Schöller, Robert. *Die Fassung *T des “Parzival” Wolframs von Eschenbach. Untersuchungen zur Überlieferung und zum Textprofil*. Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte. Vol. 56 (290). Berlin and New York: De Gruyter, 2009.
- Schröder, Werner. *Die Namen im “Parzival” und im “Titurel” Wolframs von Eschenbach*. Berlin and New York: De Gruyter, 1982 (Reprint 2019).
- Simrock, Karl. *Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach*. Translated and annotated by Karl Simrock. Vol. 1. Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta’scher Verlag, 1842.
- . *Parzival und Titurel. Rittergedichte von Wolfram von Eschenbach*. Translated and annotated by Karl Simrock. 6th rev. ed. Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta’schen Buchhandlung, 1883.
- Stolz, Michael. “Kyot und Kundrie: Expertenwissen in Wolframs ‘Parzival’.” In *Wissen, maßgeschneidert. Experten und Expertenkulturen im Europa der Vormoderne*. Edited by Björn Reich, Frank Rexroth and Matthias Roick. Historische Zeitschrift. Vol. 57, 83–113. München: Oldenbourg, 2012.

- Wapnewski, Peter. "Wolframs 'Parzival' in Wagners Bühnenweihfestspiel." In *Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*, 742–57. Berlin; Boston: De Gruyter, 2011.
- Wolfram von Eschenbach. Ein Handbuch*. Edited by Joachim Heinzle. Vol. 1, *Autor, Werk, Wirkung*. Vol. 2, *Figuren-Lexikon, beschreibendes Verzeichnis der Handschriften, Bibliographien, Register, Abbildungen*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2011.
- Wolfram von Eschenbach. "Parzival." Abridged translation from Middle High German by Lev Ginzburg. In *Srednevekovi roman i povest'*. Prefaced and annotated by A. D. Mikhailov, 261–578. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1974.
- . *Parzival*. Based on the Manuscript D. Edited by Joachim Bumke. *Altdeutsche Textbibliothek*. Nr. 119. Tübingen: Max Niemeyer, 2008.
- Wolzogen, Hans von. *Parzival der Gralstucher. Eine deutsche Heldengeschichte von Wolfram von Eschenbach*. New edition. Berlin: Schroeter, 1922.